

М.А. Фельдман
(УрГУ)

Модернизация как социально-философская концепция истории рабочего класса в России

В 90-е гг. XX в. усилился интерес историков к теориям, объясняющим переход от традиционного общества к индустриальному. К этому подталкивает специфика российской истории XX в. : сочетание этапов реформ и контрреформ, приливов и откатов модернизации. Наиболее значительное исследование в этом направлении выполнено О.Л. Лейбовичем. Какова взаимосвязь концепции модернизации и истории рабочего класса в 10-30 гг. XX в. ?

Отметим наличие в концепции модернизации взаимосвязанных и достаточно равнозначных компонентов: создание индустриальной базы со структурой отраслей и технической оснащенностью мирового уровня; взаимной автономности различных социальных сфер (включая создание развитых систем социальной защиты); развитие правовой защищенности человека. Равнозначность определена и тем, что модернизация – системное явление. Разрыв в цепи модернизации, выпадение какого-то звена ведут к блокированию всего процесса модернизации.

Теория модернизации рассматривает советское государство как одну из форм «догоняющей» модернизации. Это позволяет провести аналогии на широком историческом отрезке времени, начиная с буржуазных реформ 60 – 70-х гг. В результате просматривается типологическая близость программ приобщения к западной цивилизации в 1861 - 1913 гг. и в 1921 - 1941 гг. Обе программы можно отнести к модернизации «властного характера». Общими чертами можно назвать: имперский милитаристский характер модернизации, растущую централизацию и бюрократизацию государственных институтов, «разнонаправленность развития модернизации государства и общества.» Названные сходные черты собственно и стали весомой причиной распада государства в России в 1917г. и в 1991г.

Нельзя не выделить и существенные отличия двух программ модернизации. В дореволюционной России прослеживается процесс укрепления рыночных отношений, общество шаг за шагом отвоевывало у государства «зоны автономного плавания», расширялось законодательство по рабочему вопросу. Что касается СССР, то после этапа восстановления рыночных начал, курс советского государства с конца 20-х приобретает все более выраженную антирыночную, антилиберальную, антигуманистическую направленность. Таким образом, если в 1861-1913 гг. механизм государственного принуждения по-

степенно слабеет, то в 1921 - 1941 гг. прослеживается обратная картина. Если в Российской империи разнонаправленность интересов государства и общества усиливалась, как правило, в силу внешних причин (вспомним, как изменился не только политический, но и нравственно-психологический климат в Европе в 1914-1918 гг.), то в СССР действовали, прежде всего, внутренние имманентные причины затухания модернизации.

Обратимся к источникам модернизации. И в России до 1914 г., и в СССР 30-х гг. существовали сходные источники модернизации: необходимость ответа на военный и технологический вызов Запада, борьба за сохранение внешнеполитических и внешнеэкономических «позиций». Прослеживается традиция разработки программ индустриализации в досоветский и в советский периоды. Но если предпринимательские слои России в начале XX в. выступали активным (не всегда равноправным) участником модернизации, этого нельзя сказать о советском рабочем классе. Не вызывает сомнения, что определенную часть рабочего класса России увлек социалистический проект переустройства общества. Эту часть рабочего класса объективно можно рассматривать как одного из носителей модернизации. Без поддержки этого слоя рабочих были бы невозможны те итоги индустриализации, которые можно отнести к позитивным. Сколь велика была численность этого слоя? Известны границы слоя наиболее активных сторонников социалистического проекта модернизации – рабочих-партийцев. Численность данной социальной группы вырастает с 20 тыс. человек в 1917 г., до примерно 2 млн. в начале 30-х гг.» Говорит ли этот факт усиления «ведущей роли рабочего» класса в советском обществе? Единственное с чем можно согласиться, это то, что у рабочих-партийцев курс на «социалистическую» индустриализацию рождал представление о героическом ореоле, окружавшем производственную деятельность. Бесспорно, это рождало новые стимулы к труду, к получению технических знаний. И те, по меньшей мере, 1 млн. рабочих-выдвиженцев, вошедших в управленческий аппарат и примерно равный слой рабочих-коммунистов на производстве, находились в привилегированном положении по отношению к основной массе трудящихся. Характерно, что в 20-е гг. дифференциация между социальными группами проходила не столько в области материального благосостояния, сколько по степени приближения к власти. В 30-е гг. рабочие-выдвиженцы растворились в бюрократическом аппарате, а рабочие-партийцы в своей массе вошли в слой высокооплачиваемых рабочих-стахановцев. Сумма отличий в оплате труда, бытовых условиях, положении в коллективе выросла настолько, что в первом случае можно говорить о том, что режим поглотил активную часть рабочего класса. Во втором случае - справедливо отметить становление сословия «советской рабочей аристократии».

Но у истории причудливые повороты. В 1934-1938 гг. не менее двух третей рабочих-партийцев оказались вне партии, вне власти, вне правящей элиты, а нередко и за чертой жизни. Выскажем мнение: данный слой рабочих

продолжал себя рассматривать как приводной ремень от народа к государству партии. Сталинский режим требовал иных подходов: нужны были просто приводные ремни, послушные исполнители. Итог был все-таки другой, чем замышляло руководство ВКП (б). Истребление значительной части большевизированного слоя рабочего класса дало власть одного из носителей модернизации. Постоянное выдавливание из рабочего класса кадров для быстрорастущего аппарата усиливало некомпетентность управленцев. Наконец, во второй половине 30-х гг. быстро сокращается партийная прослойка среди промышленных рабочих. К январю 1941 г. среди рабочих крупной промышленности Урала число членов ВКП (б) не превышало 4%. Власть добилась от рабочих СССР послушности, повиновения приказам. Но такой рабочий класс не мог стать носителем модернизации.

А.В.Жук
(ИИА УРО РАН)

Производство артиллерийского вооружения на Урале в годы первой мировой войны

В начале XX в. артиллерия довольно быстро развивалась как самостоятельный род оружия. Из средства ближнего боя она превращалась в средство дальнего боя, что не могло не учитывать оперативное искусство. Резко возросла роль артиллерии на всех этапах общевойскового боя, повысилось значение гаубичной и тяжёлой артиллерии, без участия которой невозможен был прорыв укрепленных позиций противника.

К началу Первой мировой войны, согласно штатам мирного времени, русская армия была полностью обеспечена полевой артиллерией и снарядами. Имеющийся запас вооружений предусматривал полное удовлетворение потребностей армии в случае войны. Генеральный Штаб собирался вести войну, опираясь только на стратегические запасы артиллерии и боеприпасов, не предусматривая возможности затяжной войны. Поэтому чёткого плана мобилизации военной промышленности в случае начала военных действий не существовало, в этом не видели необходимости.

Казённые заводы Урала (Пермский пушечный, Ижевский, Златоустовский, Кусинский, Саткинский, Верхнетуринский и Баранчинский) периодически получали заказы на изготовление артиллерийских снарядов. Производством артиллерийских морских и полевых пушек на Урале был занят только Пермский пушечный завод. В 1913 – 1914 гг. завод получил дополнительный кредит правительства в размере 2831 тыс. руб. на переоборудование с целью развёртывания производства крупнокалиберных морских орудий.

На некоторых военных предприятиях Урала ещё задолго до войны проводились мероприятия по улучшению организации снарядного производства,